

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. А. Л. Налепин
г. Москва, Россия

ФОЛЬКЛОРНОЕ ПОЛЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПУТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: В работе исследуется русская фольклорная культура как живая креативная традиция, во многом определяющая русскую ментальность, а также пути развития русской цивилизации. Важную роль в этом играет фольклористика как филологическая, так и смежные научные дисциплины, например, музыковедение, этнология, история. В статье исследуются особенности бытования традиционного фольклора в условиях жесткой урбанизированной среды. Каждая из этих дисциплин решает свои локальные задачи, но лишь фольклористика филологическая способна объединить все локальные исследования, объединяя важнейшие компоненты этих дисциплин. Исследование пытается найти и определить гармонический синтез в исследовании русского фольклора как хранителя славянского этнического генофонда. Фольклорное поле России предстает как последний рубеж российской цивилизации и государственности.

Ключевые слова: фольклор, фольклористика, славистика, народная культура Славии, фольклор в условиях урбанизированной среды, история, этнология.

Информация об авторе: Алексей Леонидович Налепин — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: a_nalepin@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.12.2018

Дата публикации: 28.06.2019

Для цитирования: Налепин А. Л. Фольклорное поле и цивилизационные пути современной России // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 37–52.

Специфика функционирования фольклорного наследия России в современной культуре во многом определяется тем немаловажным обстоятельством, что до сегодняшнего дня это наследие с устоявшейся системой традиционных жанров считалось живой традицией, активно бытующей в жизни, а потому интенсивно взаимодействующей с другими областями духовной культуры.

Цивилизационные пути России определены не только ее великой многовековой историей, языком народов, ее населяющих, ландшафтным многообразием и природными особенностями, но и особой *российской ментальностью*, включающей в себя великое множество самых разнообразных доминант. Одной из бесспорных для российского общества является доминанта фольклорного поля России. Эта живая саморазвивающаяся система на протяжении столетий ясно осознавалась передовыми умами России как вечный фактор сохранения культурного генофонда многонационального российского государства.

Именно поэтому фольклорное поле России всегда оставалось живым и развивающимся пространством как в благоприятные, так и в самые тяжелые периоды отечественной истории. Вместе с тем современные условия, современная экология бытования фольклора имеют ряд специфических особенностей, которые необходимо знать, исследовать и не вмешиваться кардинальным образом в естественную эволюцию этого культурного феномена. Изменение природной среды, социальные и техногенные трансформации оказывают на фольклор определенное воздействие. Впрочем, изменилось и само фольклорное поле, утратив привычные контуры, расширились его границы и, следовательно, креативные возможности. Именно в силу этих обстоятельств современная российская фольклористика занимается изучением современного состояния как традиционного фольклора, так и новых жанровых образований, которые еще до недавнего времени находились вне поля интересов отечественной фольклористической науки.

В результате изменения социального и культурного контекста, в котором функционировали традиционные жанры фольклора, утратились прежние *этнобытовые* связи фольклорных явлений. В этой связи необходимо обратить внимание на определенное отставание фольклористической теории, способной объяснить способы существования фольклора в условиях изменившегося социокультурного дискурса.

В 2003 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО, выражая тревогу о стремительном исчезновении объектов культурного (в том числе и фольклорного) наследия, приняла специальную Конвенцию по защите *нематериального культурного наследия*. Важным и значительным шагом научного осмысления этих сложных процессов стала принятая в 2006 г. в России исследовательская Программа Президиума Российской академии наук «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», что позволило впервые не только детально изучить новые контуры российского *фольклорного поля*, но и исследовать конкретные механизмы возникновения и функционирования новых жанровых образований отечественного фольклора, ранее находившихся на периферии исследований российской филологической фольклористики.

Иным стало и бытование традиционного фольклора в условиях урбанизированной среды и новых межэтнических контекстов, по-иному стало пониматься и такое явление, как *фольклоризм* того или иного писателя, что еще требует теоретического литературоведческого осмысления.

Для отечественной фольклористики, исследующей нематериальную (в том числе и фольклорную) культуру так называемых *контактных зон*, это является вполне реальной задачей. *Во-первых*, по сути дела, однородны художественно-образные системы фольклора проживающих на территории России славянских народов, так называемой русской Славии, т. е. не только русский, украинский и белорусский этнокультурные регионы, но и иные славянские точечные этнокультурные образования. *Во-вторых*, их фольклорные монокультуры представляют разностадиальный материал, что позволяет в известной мере прогнозировать фольклорную ситуацию для конкретной этнокультурной (русской, украинской, белорусской) зоны, выявляя общую эволюцию культурного контекста, в котором существует сегодня традиционный и современный фольклор. Все эти обстоятельства позволяют наметить на материале этнокультурных зон славянского фольклора возможные пути актуальных на сегодняшний день теоретических поисков. Этому могут способствовать методологические труды, анализирующие роль фольклора в контексте многонациональной культуры нашей страны [7].

Для отечественной фольклористики по-прежнему актуален тезис академика Александра Николаевича Веселовского: «Сравнительно-литературный материал настолько расширился, что требует нового здания, поэтики будущего <...>. Она научит нас, что в унаследованных нами формах поэзии есть нечто закономерное, выработанное общественно-психологическим процессом, что поэзию слова не определить отвлеченным понятием красоты, и она вечно творится в очередном сочетании этих форм с закономерно изменяющимися общественными идеалами» [2, с. 317]

Фольклорное наследие России существует сегодня в новом культурном контексте и как бы в двух ипостасях одновременно: как *память* и как *живой организм*, как традиционное наследие культуры прошлого и как живое явление современного социокультурного развития.

Традиционно исследователи, говоря о фольклорном наследии, имели в виду *сельский фольклор*. Сама специфика сельской жизни в немалой степени способствовала сохранению традиционных форм уклада и традиционной культуры: живая соотнесенность с календарными и обрядовыми действиями обеспечивала особое течение *сельского времени*, определяемого постоянно возвращающимися обрядовыми циклами. В этом круговом движении яркими точками были коллективные действия. В отличие от плавно текущего сельского, *городское время* прерывисто, дискретно, т. е. насыщено событиями, неожиданно разрывающими его.

Замкнутость деревенского пространства «консервировала» жизнь, способствуя уравновешенному ритму. Культура развивалась в региональном варианте и бережно его сохраняла. Постороннее непременно переделывалось, осмысливалось по-своему. Фольклор был как выражением *этнобытового уклада*, так и эстетическим явлением, которое тесно сливалось с нравственными и духовными началами сельской жизни. Фольклор во всем своем жанровом многообразии еще в начале XX в. существовал как мощная живая традиция, т. е. объективно осознавался русским обществом как определяющий фактор динамизма развития и стабильности *фольклорного генофонда* русской цивилизации.

В процессе урбанизации и социальных изменений крестьянского быта традиционный фольклор все более утрачивал свою *этноконсолидирующую роль*, сохраняя лишь *эстетическую функцию*, т. е. происходил процесс перехода обрядовой и сакральной поэзии в бытовую фольклор. *Фольклор* следует воспринимать как *особый тип культуры*, имеющий свои принципы, целостную функциональность и содержательную организацию. Исторически *фольклорный тип культуры* предшествует литературному в культурном развитии любого народа и влияет на него. Однако неизбежно и обратное влияние — профессиональной культуры на народную, книжной, городской — на сельскую.

Однако, помимо книжной, существовала своя *система устного городского творчества*, об истории которого нам известно крайне мало, а о взаимном влиянии сельского и городского фольклора можно говорить во многом только априорно. Если *сельский фольклор* стал активно фиксироваться, когда стала очевидна тенденция к разрушению, то *городской фольклор* не исследовался вовсе, а в настоящее время все еще нуждается в более интенсивном изучении.

Жизнь фольклора в качестве культурного наследия несет на себе печать некоторых общих процессов в культурной жизни современного общества и его отношении к истории: стремление к воспроизводству целостной, а не фрагментарной культуры прошлого (в фольклоре реставрируются целые образы, празднества, представления); требование воспроизводства прошлого в условиях его естественного функционирования.

ния («аутентичность» фольклора); необходимость вписать прошлое в контекст современных культурных и социальных процессов.

В силу ряда обстоятельств (урбанизация фольклорной среды, интенсивное воздействие иных систем культурных ценностей и т. д.) происходит утрата прежних этнобытовых связей фольклорных явлений и выдвигание *художественной функции* в качестве *доминанты* традиционного фольклора.

При этом произошли необратимые разрушения традиционных фольклорных связей, когда функции коллективного автора, исполнителя и слушателя фольклорного произведения существовали в нерасторжимом единстве. Современный этап в развитии фольклора характерен тем, что нерасторжимыми пока еще остаются функции *коллективного автора* и *исполнителя*, но не функция *слушателя*. По сути дела, мы наблюдаем начало процесса, ведущего к профессиональному и полупрофессиональному фольклорному искусству.

Именно благодаря выделению художественной функции в качестве *доминанты*, заметна наметившаяся активизация явлений традиционного фольклора на профессиональном и полупрофессиональном уровне, особенно в условиях *урбанизированной среды*. Распад прежних этнобытовых связей и выдвигание в качестве *доминанты* художественной функции привели к парадоксальной на первый взгляд ситуации, когда традиционный фольклор (как эстетическая ценность) стал принадлежностью городской интеллигентской среды, а городское массовое искусство с помощью электронных СМИ получает все большее распространение в сельской среде, которая до недавнего времени была хранительницей именно традиционного фольклора.

Эти процессы наглядно проявляются в деятельности *молодежных фольклорных ансамблей*, имеющих в России столь широкое распространение, что возникло даже понятие «*молодежное фольклорное движение*».

Я благодарен судьбе за то, что был причастен к одному из молодежных фольклорных коллективов, формирование которого по времени совпало с так называемой «*перестройкой*». Само фольклорное движение, конечно же, зародилось гораздо раньше и во многом предвосхитило тот дух перемен, который обнаружил себя в середине 1980-х гг. Власти допустили его, не ощущая какой-либо крамолы, однако не поняли скрытой «*оппозиционности*» данного социокультурного феномена.

Российское фольклорное движение было, конечно же, интеллигентским явлением. Молодежное «*погружение в народную стихию*» никак не соотносилось с тем, что называется «*глубинной народной памятью*». Даже самые замечательные проявления этого «*вторичного фольклора*», т. е. *городского фольклоризма* следует рассматривать как особую форму «музеефикации» фольклора.

Однако такая оценка деятельности молодежных ансамблей несколько не уничтожительна, а, напротив, почетна. *Молодежное фольклорное движение* так или иначе сыграло определенную роль в *цивилизационных процессах* современной России, во многом вольно или невольно способствовало возрождению некоторых исчезнувших сословий дореволюционной России (например, *казачество*). Однако в полной мере это касается лишь одной локальной народнопоэтической традиции, а именно казачьего фольклора.

Вместе с тем сейчас ситуация складывается так, что вся традиционная фольклорная культура с развитой системой жанров, на которых было воспитано не одно поколение населения России, уходит из нашей жизни и превращается в реликтовое образование, в памятник.

Когда я впервые стал выезжать в фольклорные экспедиции на Русский Север в середине 60-х гг. прошлого столетия, крестьянская традиция еще встречалась в живых проявлениях, в частности, в творчестве интереснейших сказочников. Что же говорить о тех совсем недавних временах, когда фольклор был не только эстетическим феноменом, но и выполнял *коммуникативные функции*.

Не случайно знаменитый собиратель начала XX в. Николай Евгеньевич Ончуков отмечал, что традиционные фольклорные «слухи-толки» заменяли крестьянам столь привычные сейчас средства массовой информации (СМИ). Сегодня под давлением СМИ и особенно телевидения традиционному наследию не выжить — его просто задавят. Впрочем, о разрушении традиционных жанров народной словесности разговоры велись и в XIX в., и в начале XX в. В определенном смысле фольклор категория и *вечно умирающая*, и одновременно с этим *вечно возрождающаяся*, так как наряду с исчезновением каких-то старых жанров возникают другие, формируются *новые системы в новом контексте*.

Исследователи фольклора заметили такую закономерность: чем образованнее публика, чем ближе она к представителям искусства, тем больший интерес проявляет она к фольклору. И, напротив, значительная часть молодежи предпочитает свою, молодежную субкультуру, фольклор оказывается, следовательно, «в числе непредпочтительных массовых художественных ценностей, что означает <...> недостаточно эмоциональное отношение к собственной национальной судьбе» [3, с. 286]. Это очень тревожная тенденция, характерная для многих стран, но в России эта гуманитарная составляющая непосредственно связана с цивилизационными процессами, поскольку в нашей стране фольклор традиционно является, быть может, единственной бесспорной социально-эстетической скрепой великого многонационального государства.

Чтобы понять роль фольклора в современных цивилизационных процессах, необходимо отметить одну характерную тенденцию, связанную с тем, что в условиях города функция развлечения целиком и полностью переходит к искусству. Аналогичным образом в условиях *урбанизированной среды* начинает функционировать и фольклор, что неизбежно ведет к отсеиванию из него всего, что к развлечению никакого отношения не имеет, т. е. к потере самой сути народного искусства.

Уместно сказать и о том, что досуг как развлечение и забота о его заполнении не был никогда самоцелью в пору существования у русских сельских общин. Словарь русского языка XI–XVII вв., составленный на основании не устной, а письменной традиции, дает два объяснения слову «досуг»: *во-первых*, свободное или удобное время и, *во-вторых*, умение, ловкость, способность [5, с. 341]. Русский народ все-таки предполагал инициативность, творческое начало, деятельность, а не пассивное поглощение искусства как своеобразного «угощения».

Возникшее в городах «*молодежное фольклорное движение*» — феномен эпохи НТР, и было ошибочно усматривать в нем некую искусственность, ибо перед нами — новая форма существования традиционного фольклора в ином историко-культурном контексте. Теперь бывает так, что для сельских *аутентичных фольклорных групп* фольклор вторичных «*реинтродуцированных*» форм, исполняемых городским коллективом, становится подлинным эталоном традиции, действенным корректирующим эстетическим фактором.

Важным объектом исследований современной отечественной фольклористики становится такой культурологический феномен, как использование традиционного фольклора в сфере *международного туризма*. Исследователи этого сравнительно

нового для науки аспекта практического использования фольклорных ценностей для области индустрии туризма пока еще не выработали четких теоретических методов и практических методик по использованию фольклора для сферы международного туризма и индустрии отдыха.

Между тем этот пущенный на самотек процесс, контролируемый некомпетентными в этой области людьми, может привести к девальвации фольклорных ценностей и в конечном итоге к искажению национального облика народа, что может иметь негативные последствия для российской цивилизации.

Например, для иностранных туристов организуются так называемые *хобби-поездки*, во время которых (под руководством специалистов) можно пройти облегченный курс обучения народным танцам, народным промыслам, ремеслам и т. д. Обширны фольклорные программы в местах массового отдыха (исполнение народных песен и танцев, инсценировки свадеб и т. д.). «*Туристический фактор*» обязательно учитывается и при проведении больших фольклорных фестивалей как регионального, так и общероссийского уровня.

Вопрос о подобном «бытовании» фольклора очень сложен, и, хотя многие видят в этом явлении лишь негативные стороны («фольклор второго сорта», «коммерческий фольклор» и т. д. и т. п.), оно существует объективно. Поэтому важно своевременно поднять вопрос об истинных ценностях и издержках этого процесса, поскольку он объективно становится все более интенсивным. Этот аспект фольклористических исследований и осмыслений также имеет фундаментальный характер и имеет прямое отношение к государственному строительству.

Говоря об истинных ценностях, надо помнить, что мы не всегда осознаем художественное величие отечественного фольклора, ибо эту ценность мы чаще всего «прочитываем» на своем «домашнем» уровне. В этой связи уместно повторить тезис литературоведа Наума Яковлевича Берковского о восприятии русской литературы за рубежом, который можно распространить и на фольклор: «Запад очень часто напоминает нам, чем именно мы владеем, мы находим у западных критиков описание наших литературных богатств, которые у нас самих не всякую минуту на перечеете <...>» [1, с. 21]. О том, что фольклор России на современном этапе становится все более притягательным эстетическим явлением, говорят многие факты, из которых сошлемся на весьма характерный — на появление за рубежом различного рода коллективов, ориентированных на русскую и славянскую культуру. Симптоматично, что члены этих «фольклорных» коллективов не обязательно являются выходцами из славянских стран, а, например, «стопроцентными» американцами, как в ансамбле «Славоник войсес» («Славянские голоса»). Этот ансамбль из штата Орегон под руководством Маргарет Маккиббен исполняет болгарские, русские, сербские, хорватские народные песни, причем в качестве образцов используются записи аутентичных фольклорных коллективов России, Болгарии и бывшей Югославии.

Сегодня все более очевидно, что фольклорная традиция воспринимается в первую очередь как эстетический феномен. По мнению выдающегося отечественного ученого, члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук Кирилла Васильевича Чистова, исследовавшего аналогичные процессы в фольклорной культуре Советского Союза, развитие эстетического начала фольклора влечет за собой сложный диалектический процесс: во-первых, этническую оценку фольклорного явления, стремление использовать его для создания национального колорита, во-вторых, желание в ходе современных культурных преобразований сохранить художественные навыки, приоб-

ретенные народом. Этот двуединый процесс исследователь назвал *вторичным фольклоризмом*.

Термин «фольклоризм», предложенный в конце XIX в. французским фольклористом, этнографом и археологом Полем Себийо, обозначив его как получение фольклора «из вторых рук», тем самым предполагавшим широкое и разнообразное его толкование. Действительно, возникли сложности даже при перечислении этих вторичных источников: творчество писателя, художника, музыканта, исполнителя, участника художественной самодеятельности и т. п. Обнаружилась неоднозначность самих подходов к определению фольклоризма: как процесса *освоения* фольклора в различных сферах культуры или же *функционирования* фольклора в современной культуре, охватывающего все области общественного культурного процесса, связанного с *усвоением* и *трансформацией* народной традиции и даже обозначающего любые *нетрадиционные воспроизведения* народного творчества.

Сторонники широкого толкования фольклоризма (член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Кирилл Васильевич Чистов) считали возможным распространить это понятие на все сферы профессионального и полупрофессионального искусства. Фольклоризм получает при этом статус «вторичных форм» и включает в себя все (от литературных сказок до сувениров в народном стиле), что несет на себе печать «нарочитости, стилизованности».

Другие исследователи (например, доктор исторических наук Виктор Евгеньевич Гусев в своей книге «Эстетика фольклора», 1978) ограничивали фольклоризм духовной сферой, подразделяя на качественно различные типы: во-первых, фольклоризм художественной самодеятельности, во-вторых, фольклоризм ансамблей песни и пляски и, в-третьих, фольклоризм профессионального искусства. Характеризуя современное состояние фольклорной традиции в странах с развитым туризмом, некоторые исследователи выделяют также «*туристско-коммерционный*» фольклоризм.

Как видно, выделение «типов фольклоризма» произошло не по единому признаку: скажем, художественная самодеятельность, как и ансамбли, — это формы организации людей, относящиеся, скорее, к компетенции управленческих органов и легко планируемые, подвижные. Кроме того, самодеятельность в равной мере использует народное и профессиональное искусство. Единственным типом фольклоризма, имеющим внутренний стержень — творческое освоение фольклорной традиции, является последний тип, хотя и объединяющий разные виды творческой деятельности. Обоснованным поэтому представляется предложение члена-корреспондента РАН, доктора филологических наук Виктора Михайловича Гацака сохранить понятие «фольклоризм» только за творческим иносистемным преобразованием фольклорной традиции у писателей, композиторов, художников. Вероятно, к этому списку следует прибавить деятелей театра и кино. Тогда в недрах такого творческого содружества естественно выкристаллизуются в конкретной специфике литературный фольклоризм, музыкальный фольклоризм и т. д. Оставим при этом в стороне такое понятие, как «литературный фольклоризм», которое широко вошло в научный оборот и нередко мыслится даже как единственно возможное значение понятия «фольклоризм».

Некоторые тенденции развития современного профессионального искусства способствуют поддержанию активного интереса к фольклору, стремление к синтезу жанров в искусстве, к слиянию этико-эстетических начал, к выявлению всеобщих, общечеловеческих ценностей, к гуманизации искусства и быта и т. д. И в самом обращении к фольклору, и в принципах отбора к подаче его в литературе явно возобладала тен-

денция к постижению смысла, сущности национального духа и характера в противовес прежнему вниманию к чисто внешнему *этнографизму*.

Тревожно и симптоматично звучит мысль об общей *дефольклоризации* современного типа культуры, об утрате его корневых связей с истинным фольклором. Вместе с тем история литературы показывает, насколько плодотворным может быть воздействие фольклора на книжную словесность. Этот процесс включает в себе во многих странах общие закономерные черты, которые необходимо учитывать современной фольклористике, литературоведению, искусствознанию. Это относится и к активному бытованию в литературе особых, ориентированных на фольклор жанров, какими являются, к примеру, *литературная сказка* и *литературный сказ*. Литературоведы и фольклористы достаточно полно изучили эти жанры литературы. То обстоятельство, что влияние фольклора на творчество разных авторов изучено, мягко говоря, с разной степенью подробности (например, сказкам В. М. Шукшина посвящено значительно меньше исследований, чем сказочной прозе А. М. Горького), следует рассматривать как нереализованное направление уже известного научного анализа, а не как новое направление научного поиска.

Новым направлением такого поиска следует признать изучение прямого воздействия фольклора какого-либо народа на литературу другого народа. Проблема эта имеет не только общегуманитарное, но и общелитературное значение, поскольку в процессе такого воздействия могут возникнуть новые литературные жанры. Сошлемся на пример литератур народов Азии, где восприятие иноязычной культурной традиции влекло появление специфических жанровых форм ее воплощения. Например, «в Индонезии вольные переложения иностранных авторов с перенесением действия на индонезийскую почву закрепились в форме садуранов. Садуран сыграл положительную роль в становлении и развитии индонезийской беллетристики, приобщении читателя к темам и проблемам мировой литературы» [8, с. 4041].

Аналогичные процессы появления специфических жанровых форм проходили и в результате восприятия иноязычной фольклорной традиции. Так, по свидетельству американского исследователя Ричарда Дауэнхауэра, русская народная сказка «Царевна-лягушка» была ассимилирована фольклорной средой индейского племени *тлингитов*, обитающих на Аляске, вызвав появление весьма неустойчивой жанровой формы (абсолютно нетипичной для традиционного фольклорного материала *тлингитов* в силу присутствия в ней элементов фантастики), которая функционировала в рамках семейной повествовательной традиции [9]. Появление специфических жанровых форм как результат прямого воздействия иноязычной фольклорной традиции характерно все же для литератур и культур народов, не имевших прочных и долгих этнокультурных связей. Например, для славянских народов, происшедших из *единого исторического корня*, ситуация была иной. Их культуры, основанные на единой художественно-образной системе, не нуждались в искусственном жанре-посреднике, так как имели примерно адекватные жанровые системы. Не следует игнорировать и древнейшую поэтическую основу, общую для всех славянских народов, из которой развились все известные ныне славянские жанровые эпические формы. В этой связи вполне возможно распространение выдвинутого академиком РАН, доктором филологических наук Никитой Ильичом Толстым и доктором филологических наук Софьей Михайловной Толстой тезиса о «*диалектологии*» *славянской мифологии*» [6, с. 52] на всю устно-поэтическую систему славянских народов. В этом случае известные жанровые разновидности предстанут как самостоятельные, но обладающие внутренним генетическим единством.

Современное состояние традиционного фольклорного наследия является *многоаспектным процессом*, для которого характерны *сужение непосредственной фольклорной традиции; приход фольклора к читателю и слушателю через печатные издания, современные технические средства информации и коммуникации; возрастающее многоплановое воздействие фольклора на современную литературу и искусство (явление фольклоризма)*.

Эти сложные социокультурные процессы протекают на фоне постоянных межэтнических связей, обменов и взаимовлияний. Сегодня есть все основания прогнозировать возрастание роли художественного фольклорного наследия в современной культуре.

Возвращение традиционного фольклорного наследия трудно переоценить, ибо сегодня оно во многом формирует то, что академик РАН Дмитрий Сергеевич Лихачев определял как *«экологию культуры»*. По его словам, «сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности. А между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, он даже и не поставлен нашей наукой как нечто целое и жизненно важное для человека» [4, с. 54]. Обретение утраченной *«духовной оседлости»* является сегодня главным цивилизационным ориентиром, без которого не мыслится современная Россия. Иными словами, современный потребитель массовой культуры обязан вернуться к своим фольклорным генетическим корням, стать профессионально искусственным носителем *кода* своего фольклорного генофонда. Об этой, тогда казавшейся далекой и утопичной цивилизационной задаче будущей России, о неизбежном пути к *«духовной оседлости»* в контексте разумного *«государственного устройства»* размышлял еще в далекие 70-е гг. прошлого столетия Д. С. Лихачев: «Только безнравственный человек не обладает оседлостью и способен убивать оседлость в других» [4, с. 55]. Сегодня для российской цивилизации задача обретения *«духовной оседлости»* стала еще более актуальной и мыслится как задача стратегической значимости.

Возвращение фольклорного наследия в современное культурно-интеллектуальное поле России заставит вчерашнего потребителя усредненной культуры (чаще всего массовой культуры) сделать *интеллектуальное усилие* и подняться на более высокую ступень *этнокультурного самосознания*.

Мы в той или иной мере несем в себе зачатки фольклорного сознания. Можно привести десятки примеров городского мифотворчества, процитировать *«кричалки»* футбольных фанатов, любая подворотня предоставит *«богачейшую»* коллекцию *граффити* и т. д. Что же говорить про детей и подростков, которые в буквальном смысле создают и хранят *особую субкультуру*. Здесь можно усмотреть массу увлекательных тем и проектов, но по-человечески этот материал, безусловно, не радует, возможно, потому, что он с грубой очевидностью проецирует критический уровень деструктивности нашего общества. И тут возникает вопрос: либо с академическим спокойствием констатировать процесс распада традиционной крестьянской культуры, либо попытаться эту культуру сохранить в новых условиях, что так необходимо для регенерации позитивных свойств личности современного человека.

Нельзя искусственно оживить традиционный фольклор, не возродив при этом традиционного сознания. Вместе с тем менталитет современного человека совершенно

не соответствует архаическим формам фольклора прошлых веков. При этом необходимо изменить критерии оценки самого предмета. Ведь фольклор — такое же классическое наследие, как и творчество И. Тургенева, Ф. Достоевского, А. Чехова. К сожалению, раньше это не осознавалось, а народное пение или музицирование воспринимались как нечто второстепенное, чем время от времени заполняли паузы в эфире.

Сегодня надо четко сказать, что фольклор — это не просто наше классическое наследие, но, наряду с православием, еще и та цивилизационная основа основ, на которой держится нравственность человека. И если исчезнет этот фундамент, то рухнет и национальное самосознание. Другой вопрос, как вводить этот материал в программы обучения, например, и как его изучать. Важно, чтобы данный процесс не вызывал ощущения неизбежной скуки. И здесь велика просветительская роль современного молодежного фольклорного движения. Одна из его задач — способствовать тому, чтобы процесс приобщения подрастающего поколения к традиционному наследию проходил в живой, увлекательной форме, захватывающей не только интеллектуально, но и эмоционально.

Именно поэтому молодежное фольклорное движение следует расценивать под определенным углом зрения, как талантливую попытку своеобразной «музеефикации» фольклора. Ведь не секрет, что в городских фольклорных ансамблях поют то, что в современных деревнях практически не исполняют, так как разрушен традиционный уклад крестьянской жизни. Молодежные фольклорные ансамбли сумели вовремя подхватить, удержать традицию, сыграв роль *живого фольклорного музея*. Без их самоотверженной работы наше знание о *живой исполнительской традиции* свелось бы к рукописным или печатным текстам, а в лучшем случае к несовершенным аудиозаписям. Именно в этом гуманитарном послы, направленном на сохранение российской цивилизации, заключается великая заслуга молодежного фольклорного движения. Что касается попыток «возродить» традиционный фольклор, а если говорить шире, традиционный образ жизни, то эти попытки обречены на неудачу.

Новое время неизбежно создаст новые фольклорные жанровые разновидности, и иного не дано. Впрочем, вполне возможно частичное возрождение какой-либо конкретной традиции в конкретном регионе, как, например, *казачьего фольклора* молодежных фольклорных ансамблей в крупных городах России. Уместно вспомнить в этом случае заокеанский опыт.

Американцы в свое время делали записи фольклора в Полинезии. Спустя тридцать лет эти записи на валиках привлекли к себе внимание исследователей и были подготовлены сборники текстов с звуковыми приложениями. Издание послали обратно в Полинезию, в места записи, где, как ни странно, этот культурный «десант» вызвал частичное возрождение традиции. Кто-то узнал голос своего деда, у кого-то возникло чувство гордости за свое селение, за свою «малую Родину». Это были своеобразные точечные *цивилизационные процессы на локальном уровне*.

Нечто подобное возможно и в России. В российских архивах остаются невостребованными огромное количество фонозаписей. И если создать в России *модель обратной связи*, аналогичную американской модели, то можно ожидать всплеск интереса к локальной культурной традиции хотя бы из *чувства локального патриотизма*. Но это возможно лишь на точечном уровне, а не в масштабах всей страны.

В Европе *фольклор* трактуют иначе, чем в России, там это более широкое понятие. В США другая ситуация. Несмотря на то что термин «*folklore*» — англоязычный, у американцев более в ходу понятие «*folklife*», т. е. жизнь народа в различных ее проявлениях.

Исторически сложилось так, что в Западной цивилизации США являются до известной степени «сконструированным» государственным образованием, а сами «американцы» до некоторой степени мыслились как *искусственная нация*. В свое время в США господствовала универсальная *цивилизационная модель*, основанная на теории «*этнокультурного котла*», согласно которой элементы различных культур, принесенных переселенцами из разных стран, со временем должны перемешаться, в результате чего якобы и создается *новая американская культура* и, как следствие, *американская нация*.

Однако кризисные социально-политические события в американской истории середины прошлого столетия заставили политиков и аналитиков усомниться в универсальности выбранной *цивилизационной модели*. Более того, американская мыслящая элита пришла к неожиданному для себя выводу, что все эти культуры переселенцев существуют, по сути, автономно, как раз избегая предполагавшейся тотальной ассимиляции. Упрощенная *цивилизационная модель* развития США («*этнокультурный котел*») отчасти стала причиной известных кризисных явлений в сфере этнических отношений.

Именно тогда в 70-е гг. прошлого столетия американцы резко отказались от прежней *цивилизационной модели* развития и перешли к новой, основанной на теории «*этнокультурной мозаики*», которая предполагает *плюрализм культур*, уникальность каждой из них. Соответственно, стал изучаться каждый элемент этой мозаики в отдельности и в контексте того, что принято называть американской культурой.

Однако необходимо подчеркнуть, что фольклорная культура США, в отличие от российской, не обладает богатой системой традиционных жанров. Это привело к тому, что американские исследователи попытались построить эту систему искусственно. Понятие «*folklife*» оказалось очень продуктивным, и на его основе была выработана «лабораторная» система жанров, вобравшая в себя те жанровые образования и даже фольклорные *фантомы*, которые игнорировались российской фольклористикой. Российская культура, к примеру, обладает мощной эпической традицией (русской, карельской, кавказской, якутской и др.), а в американской культуре такой традиции нет вовсе. По образному выражению члена-корреспондента РАН, доктора филологических наук Виктора Михайловича Гацака, «*эпос является визитной карточкой этноса*». У молодой американской нации такой цивилизационной *визитной карточки* никогда не было.

Сейчас в США востребованы исследования «*occupational folklife*», т. е. исследования жизни народа, представленной в различных профессиях, что в определенной мере коррелируется с отечественными исследованиями *рабочего и городского фольклора*. В принципе, такого рода исследования, но в беллетристической форме, имели место и в России. Вспомним, например, творчество Павла Петровича Бажова или Бориса Викторовича Шергина, в котором по сути дела художественно «воспевались» отдельные рабочие профессии.

Американские ученые детально изучают эти жанровые *формы-фантомы*. В частности, исследовательские программы Смитсоновского института в Вашингтоне положили начало проектам, в числе которых можно назвать проект «*Пожарные округа Колумбия*». Любопытны при этом методы, принятые в этих исследованиях. Ученый внедряется в какую-либо профессиональную среду чаще всего анонимно, как лазутчик, ибо его исследовательская задача показать социокультурное явление как бы изнутри. В результате был создан фундаментальный труд, дающий представление о том, что такое пожарное депо, как оно устроено, какова система взаимоотношений между

подчиненными и начальством, какие в нем распространены *профессиональные табу*, какие циркулируют *социальные слухи*, какие существуют *профессиональные приметы*, и *суеверия*, какие поются *песни* и рассказываются *фабулаты*, *мемораты* и т. д. Иными словами, пожарное депо рассмотрено с позиций нескольких наук — социологии, этнологии, фольклористики, истории. И априори нетрудно предположить: сколько существует профессий, столько и монографических исследований может появиться. Эта социально направленная исследовательская система имеет *открытый характер* и потенциально всегда готова отвечать на все возникающие цивилизационные вопросы

Сегодня российская фольклористика также начинает интенсивно исследовать новые пласты народной культуры. Впрочем, российские исследователи старались хотя бы неофициально исследовать экзотические и ранее запретные явления (субкультуру «неформалов», в том числе и *заключенных*, *маргинальных групп*, *эротический фольклор* и т. д.).

Однако существует и принципиальное различие. Можно, конечно, копировать американские этносоциологические исследования, но у нас все еще существует богатейшая классическая традиция или как *живая традиция*, или как *традиция-воспоминание*. Американская наука этим вынуждена заниматься от *фольклорной бедности*, а мы, в буквальном смысле, *ходим по культурному золоту*. Не случайно американцы так стремятся приобрести и перевезти к себе памятники культуры. Известно, что в свое время они хотели за большие деньги выкупить даже храм Василия Блаженного. Причина тому — *тоска по культурным корням*, что также является важным непреходящим цивилизационным фактором.

Поэтому американцы пестуют любое проявление народного творчества. В этом им надо отдать должное, испытать определенную зависть и выразить свое восхищение. Показательны в этом плане фольклорные фестивали, которые в определенной мере можно сопоставить с российскими фольклорными праздниками, но с учетом американской специфики и их возможностей.

Festival of American Folklife проводится ежегодно летом в Вашингтоне. Каждый год проходят разные программы. При этом четко определены «международная» и «внутренняя» части этого престижного для США фестиваля. Международная часть посвящена традиционной *живой культуре* какой-либо страны. «Домашняя» часть целиком посвящена *живой культуре* одного из американских штатов. В обоих случаях проявления народного таланта представлены во всем богатом многообразии. Разбиваются парники, делаются посадки традиционных сельскохозяйственных культур, строятся традиционные хозяйственные постройки различного назначения, показывается, как ловят рыбу, что поют, как куют кузнецы. Иными словами, участники этого действа как бы живут на глазах у зрителей. В США такое эффектное представление народной культуры вызвано стремлением *воспитать гражданина с чувством национальной гордости за свою страну*. Фактор *наглядности в обучении* любому креативному процессу является сильной стороной созидания американской цивилизационной системы.

Американский опыт использования фольклорных богатств в становлении *национальных цивилизационных доминант* может быть весьма полезен для современной России. Наши американские коллеги каждый акт творчества расценивают как явление уникальное, что совершенно верно, так как в ином контексте, в другом исполнении одно и то же произведение предстанет в различных ипостасях. Если на фестивале выступает певец, исполняющий баллады, то его сопровождают этнологи, этномузыковеды, фольклористы, которые фиксируют буквально все.

На одном из фестивалей был представлен некий мастер, который гнал самогон из кукурузы, при этом все желающие могли его продукцию в течение дня дегустировать. У нас таких «умельцев» бесчисленное множество, и мы даже не рассматриваем их как объект этнологического исследования. У американских коллег все иначе. Примечательно, что в качестве научно-иллюстративного приложения к манипуляциям самогонщика был выпущен детальный каталог, который знакомил участников Фестиваля с устройством самогонного аппарата и с технологическими тонкостями производства «божественного» напитка. Такие каталоги посвящены каждому из мастеров — участников этих Фестивалей. Такой пристальный интерес к любому проявлению творческого потенциала народа, безусловно, заслуживает внимания, уважения и изучения.

Добиться того же уровня можно только при помощи глубоко продуманной системы «*образования и воспитания фольклором*», в первую очередь детей и молодежи, предусматривающей на каждом возрастном этапе свои методы знакомства с повествовательным и песенным фольклором, свои формы участия в фольклорных действиях разного уровня и, наконец, соответствующий возрасту набор теоретических знаний.

Судьбы фольклора в наши дни в немалой степени зависят и от того, какие организационные формы его поддержания мы выберем, и от того, насколько мобильной и способной к прогнозированию живого процесса окажется фольклористическая наука. Совместные усилия ученых и практиков разных стран мира могут принести немалый успех.

Сегодня речь идет не просто о новом интерэтническом уровне фольклорного взаимодействия народов, но и о складывании *Единого фонда фольклорной культуры народов России*, общность которого, помимо этнокультурных корней, определяется и единством социальных процессов. В этой связи необходимо подумать о том, чтобы эти объективные цивилизационные процессы были должным образом отражены не только в фольклорной теории и практике, но и на государственном уровне, как важная цивилизационная задача современности.

Именно фольклорное поле России является тем уникальным социально-культурным пространством, где происходят сложные цивилизационные процессы и именно ***фольклор народов многонациональной России выступает как бесспорный определяющий фактор динамизма развития и стабильности культурного генофонда российской цивилизации.***

Это касается и создания *Свода фольклора народов России*, состоящего из двуязычных публикаций лучших образцов народного творчества, и проведения регулярных праздников фольклора народов России, и введения преподавания фольклора этих народов на разных обучающих уровнях — в детских садах, в школах, колледжах и высших учебных заведениях.

Творческий энтузиазм необходимо окружить ореолом почета так же, как и любое проявление мастерства. В каждом регионе должны гордиться своими уникальными мастерами, исполнителями. Иными словами, быть причастным к фольклору, к традиционной культуре должно считаться делом почетным и престижным, чтобы общество осознало, что эти люди являются *«солью нации»*.

Хотя против очевидных выводов, что народные мастера и талантливые песельники — наша национальная гордость, никто активно не возражает, но, чтобы эти механизмы начали эффективно работать, должна, вероятно, измениться *культурная атмосфера* в России. Хотя и сейчас финансовые структуры могли бы внести свой вклад в такое благое дело. Остается ждать и надеяться на гражданскую сознательность наших будущих радетелей традиционной культуры.

В конкретных делах прежде всего надо ориентироваться на создание и издание полноценных научных фольклорно-этнографических сводов. Инициаторами такой работы могут стать ученые и местные краеведы, которые объединяют в одном лице и фольклориста, и этнографа, и социолога. Это позволит выявить локальные системы жанров, диагностировать на разных уровнях современное состояние тех или иных фольклорных жанров в том или ином регионе, более того, в определенном районе, городе и даже в каждой деревне. В совокупности такие локальные «точечные своды» составили бы достаточно объективную картину состояния традиции в России. Безусловно, подобные издания будут формировать чувство гордости за свою малую Родину. Не существует «глобального патриотизма», все граждане России вышли из конкретных мест, и именно туда, пусть неосознанно подчас, тянет каждого из нас всю жизнь.

Необходимо увеличить число научных журналов, ориентированных на народную культуру. Они неизбежно сделают свое великое дело, хотя оценят это, может быть, не современники, а наши потомки. Примерно так же мы смотрим сегодня на журналы «Художественный фольклор» или «Сибирскую живую старину», вышедшие в нелегкие 20-е гг. XX столетия. Но, несмотря ни на что, эти подвижники отечественного фольклора продолжают заниматься проблемами народной культуры, потому что, если этого не будет, тогда все рухнет окончательно. Само понятие «русский» не будет существовать.

Только знание происходящих эволюционных процессов сохранит фольклор как стабилизирующую структуру развивающейся российской цивилизации вопреки настойчивым попыткам использовать феномен отечественного фольклора в качестве «эстетического прикрытия». Фольклорное поле России предстает как последний рубеж российской цивилизации и государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы. Л.: Наука, 1975. 185 с.
- 2 Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: ГИХЛ, 1940. 648 с.
- 3 Живков Т. И. Фольклор и современность. София, 1981.
- 4 Лихачев Д. С. Заметки о русском. М.: Сов. Россия, 1984. 61 с.
- 5 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. 403 с.
- 6 Толстая С. М., Толстой Н. И. Вопросник, составленный Н. И. и С. М. Толстыми к дискуссии: «Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры» // Советская этнография. 1984. № 3. С. 51–63.
- 7 Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев: Штиинца, 1984. 389 с.
- 8 Черкасский Л. Е. Русская литература на Востоке. Теория и практика перевода. М.: Наука, 1987. 182 с.
- 9 Dauenhauer R. Yuwaan Gageets: A Russian Fairy Tale in Tlingit Oral Tradition // Third Alaskan Anthropology Conference. Anchorage, 1976.

© 2019. Alexey L. Nalepin
Moscow, Russia

FOLKLORE FIELD AND CIVILIZATION PATHS OF MODERN RUSSIA

Annotation: The paper examines Russian folk culture as a living creative tradition, which largely determines the Russian mentality, as well as the development of Russian civilization. Folklore studies, philological, as well as related scientific disciplines — for example, musicology, ethnology and history — play an essential role in this process. The study explores the characteristics of the existence of traditional folklore in a rough urbanized environment. While each of the mentioned disciplines deals with its local issues, only philological folklore studies is capable of bringing together all local research, putting to use the most important components of those disciplines. The author attempts to identify and define harmonic synthesis in the study of Russian folklore as the keeper of the Slavic ethnic gene pool. As the paper concludes the folklore field of Russia comes to be the last frontier of Russian civilization and statehood.

Keywords: folklore, folklore studies, Slavistics, folk culture of Slavia, folklore in conditions of an urbanized environment, history, ethnology.

Information about the author: Alexey L. Nalepin — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: a_nalepin@mail.ru

Received: December 07, 2018

Date of publication: June 28, 2019

For citation: Nalepin A. L. Folklore field and civilizational paths of modern Russia. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 52, pp. 37–52. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Berkovskii N. Ia. *O mirovom znachenii russkoi literatury* [On the global impact of Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 185 p. (In Russian)
- 2 Veselovskii A. N. *Istoricheskaiia poetika* [Historical poetics]. Leningrad, GIKhL Publ., 1940. 648 p. (In Russian)
- 3 Zhivkov T. I. *Fol'klor i s'vremennost* [Folklore and modernity]. Sofiia, 1981. (In Bulgarian)
- 4 Likhachev D. S. *Zametki o russkom* [Notes about Russian]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1984. 61 p. (In Russian)
- 5 Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian language of 11th–17th cs.] Moscow, Nauka Publ., 1977. 403 p. (In Russian)
- 6 Tolstaia S. M., Tolstoi N. I. Voprosnik, sostavlennyi N. I. i S. M. Tolstymi k diskussii: “Teoreticheskie problemy rekonstruktsii drevneishei slavianskoi dukhovnoi kul'tury” [Questionnaire prepared by H. I. and S. M. Tolstoy to the discussion: “Theoretical problems of reconstruction of the earliest Slavic spiritual culture”]. *Sovetskaia etnografiia*, 1984, no 3, pp. 51–63. (In Russian)
- 7 *Fol'klornoe nasledie narodov SSSR i sovremennost'* [Folk heritage of the peoples of the USSR and modernity]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1984. 389 p. (In Russian)

- 8 Cherkasskii L. E. *Russkaia literatura na Vostoke. Teoriia i praktika perevoda* [Russian literature in the East. Theory and practice of translation]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 182 p. (In Russian)
- 9 Dauenhauer R. Yuwaan Gageets: A Russian Fairy Tale in Tlingit Oral Tradition. *Third Alaskan Anthropology Conference*. Anchorage, 1976. (In English)